

Акафист святителю Мелетию Харьковскому священномученика Петра Григорьева

*Вступительная статья, подготовка текста к публикации
и комментарий свящ. Максима Плякина*

Публикуемый документ — акафист свт. Мелетию, архиепископу Харьковскому и Ахтырскому, написанный сщмч. Петром Григорьевым (1895–1937), — впервые вводится в научный оборот. Сочинение переписывалось от руки, точную датировку публикуемой рукописи установить не удалось, скорее всего, она относится к третьей четверти XX в. Особенность акафиста свт. Мелетию в том, что он написан на русском языке в стихотворной форме. Во вступительной статье характеризуется акафистография на русском языке как важный пример литургического творчества — пласта церковного предания, который наиболее подвержен изменениям. Это особым образом проявилось в XX в., когда новонаписанные гимнографические произведения не издавались и не подвергались церковной цензуре. В статье приводятся биографические сведения о составителе публикуемого акафиста свщмч. Петре Григорьеве. Сщмч. Петр был арестован в ночь с 17 на 18 октября 1931 г. и направлен сначала на Беломоро-Балтийский канал, разъезд «Сословец» Мурманской железной дороги, затем в Волголаг. 22 сентября 1937 г. был приговорен к расстрелу тройкой при Управлении НКВД СССР по Ярославской области; приговор был приведен в исполнение на следующий день там же, в изоляторе III отделения. Священномученик Петр Григорьев причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских архиерейским собором Русской православной церкви, состоявшимся 13–16 августа 2000 г.

ключевые слова: акафист, литургическое творчество, богослужение в XX в., русский язык в богослужении, новомученики и исповедники церкви русской, сщмч. Петр Григорьев.

Публикуемый ниже акафист свт. Мелетию Харьковскому, составленный сщмч. Петром Григорьевым, представляет собой весьма редкий пример литургического творчества на русском языке. Появление подобных текстов — показатель определенного сдвига в парадигме богослужебного творчества. Большинство ранее написанных акафистов представляли собой славянские тексты с русскими вкраплениями или были написаны на гибридном язы-

ке, что является свидетельством осознания хотя бы на уровне декларации церковнославянского языка как нормативного (при этом тексты могли быть славянскими весьма условно).

Акафистография как пример богослужебного творчества отражает направление развития языка богослужения в целом, а также изменение его нормы [Людоговский, Плякин]. В течение большей части XX в. акафисты распространялись в условиях практически полного отсутствия контроля за ними со стороны церковной цензуры — как в языковом плане, так и в содержательном. Это позволяет нам сегодня, изучая язык акафистов, судить о трансформации богослужебного языка в целом.

Пожалуй, один из наиболее известных молитвенных текстов, написанных полностью на русском языке, — благодарственный акафист «Слава Богу за все» [*Малая Церковь*]. Однако вдохновенное творение архиепископа (позже — митрополита) Дмитровского Трифона (князя Туркестанова; 1861–1934) не было ни единственным, ни даже первым русскоязычным акафистом — таких гимнов на настоящее время выявлено девять, четыре из которых были созданы до начала Великой Отечественной войны¹.

По всей видимости, наиболее ранний известный нам русскоязычный акафист — гимн в честь Священной Голгофы, написанный в 1866 г. русским ученым и поэтом Михаилом Васильевичем Себряковым (1798–1882). В 1888 г. его дочь, Анна Михайловна Себрякова (1833–1905), в монашестве игуменья Арсения, переработала и дополнила творение своего отца. К сожалению, оригинальный русский текст акафиста до нас не дошел, однако в 1927 г. духовник Александро-Невской Лавры в Петрограде архимандрит Сергей (Бирюков; 1862–1943) перевел этот акафист на церковнославянский язык; этот перевод дошел до нас в рукописях середины XX века. Василий Петрович Бирюков, будущий архимандрит Сергей, был земляком Себряковых — его родной хутор Буерак-Сенюткин расположен в том же Усть-Медведицком округе Области Войска Донского, в котором расположено и Себрово — имение Михаила Васильевича, и Усть-Медведицкий Спасо-Преображенский монастырь, игуменией в котором была матушка Арсения. В предисловии к своему переводу архим. Сергей описал как историю создания гимна, так и язык, на котором

1. Обзор русскоязычных акафистов, созданных в послевоенный период, содержится в авторской статье 2015 г. См.: [Плякин].

гимн первоначально был написан. В личном собрании богослужебных текстов прот. Виктора Шиповальникова² (1915–2007), в котором была обнаружена рукопись перевода акафиста Священной Голгофе, выявлены также рукописные ноты этого акафиста, что свидетельствует о богослужебном исполнении гимна. Таким образом, творение отца и дочери Себряковых было принято церковью к употреблению и по крайней мере в 3-й четверти XX в. звучало в храмах. Даже по переводу (достаточно близкому к русскому языку) можно составить представление о первоначальном виде текста:

Избранная от всех высот земных в подножие Животворящему Кресту, Священная Голгофа, ты почтена от Бога неземною Славою, ибо на Тебе совершился великое таинство примирения Бога с человеками. Благоговейней памяти о сем спасительном промыслении о нас Творца, преклоняем пред Тобою колена и смиренно молимся распятому на Тебе Господу нашему Иисусу Христу и со слезами любви взываем: Иисусе Сладчайший, спаси нас! (кондак 1)³.

21 октября 2016 г. Священным синодом Русской православной церкви игуменья Усть-Медведицкого монастыря Арсения (Себрякова), соавтор самого раннего известного нам русскоязычного акафиста, была причислена к лику святых (память — 21 июля/3 августа).

Следующим по времени создания русскоязычным акафистом является гимн в честь Святого Духа, написанный известным литургистом Михаилом Николаевичем Скабаллановичем (1871–1931), профессором Киевской духовной академии. Мы предполагаем, что этот гимн изначально не предназначался к храмовому употреблению и представляет собой своего рода литургический эксперимент, поскольку он ориентирован не на византийские, а на латинские образцы, подражая западной гимнической традиции, в частности, литаниям. Вместо 13-го кондака акафист завершается переведенной на русский язык секвенцией “*Veni, Sancte Spiritus*” (ок. 1200), предназначенной для исполнения на евхари-

2. Ныне находится в фондах библиотеки Издательского совета Русской православной церкви.

3. Источник цитируемого примера — общая тетрадь, происходящая из личного собрания прот. Виктора Шиповальникова, в которой сохранился переписанный текст акафиста Священной

Голгофе. Цитируемый отрывок находится на л. 2 (= стр. 3) тетради. К сожалению, этот личный архив, хранящийся в настоящее время в фондах библиотеки Издательского совета Русской православной церкви, пока не описан и шифры его единиц не присвоены.

стическом богослужении латинского обряда в день Пятидесятницы [Скабалланович].

Уже упомянутый благодарственный акафист «Слава Богу за все» был написан архиеп. Трифоном в июле 1928 г. Из всех акафистов, написанных на русском языке, он наиболее широко вошел в молитвенную практику христиан. Он известен далеко за пределами России, выполнены его переводы на английский [*An Akathist*] и французский [*Acathiste*] языки.

Священномученик Петр Григорьев (1895–1937, память 10 (23) сентября) составил на русском языке акафист свт. Мелетию, архиепископу Харьковскому и Ахтырскому (1784–1840, память 12 (25) февраля). Поводом к написанию акафиста послужило, по-видимому, перенесение в 1929 г. нетленных мощей святителя из харьковского Покровского монастыря, где он был похоронен, в Благовещенский кафедральный собор, где они находятся и сейчас.

Отличительной особенностью акафиста, написанного сщмч. Петром, является не только его язык, но и его внешняя форма — он написан в стихах. В выборе именно такой формы для неседального гимна можно видеть попытку возвращения к византийским истокам русской гимнографической традиции, поскольку, как известно, многие византийские авторы (прежде всего, прп. Иоанн Дамаскин) создавали свои богослужебные тексты именно в поэтической форме. Так, канон прп. Иоанна на Богоявление написан двенадцатисложным ямбом, широко использовавшимся в античной греческой трагедии.

В приложении к настоящей статье текст акафиста впервые публикуется полностью по рукописной копии из личного архива Оксаны Алёшиной (г. Харьков, Украина).

Вероятно, в связи с тем, что акафист свт. Мелетию и акафист «Слава Богу за все» были написаны практически одновременно на одном и том же языке, не стандартном для русской богослужебной традиции, при рукописной и машинописной передаче этих гимнов возникла путаница — начиная с 1970-х гг. в литературе встречается атрибуция благодарственного акафиста «протоиерею Григорию Петрову, умершему в 40-х годах в заключении» [*Акафистник*, 699]. Само же имя предполагаемого автора гимна «протоиерея Григория Петрова» есть искажение имени священника Петра Григорьева, возникшее при фиксации воспоминаний о нем для публикации в эмигрантской печати [*Служба св. Павлину*, 7].

Краткие сведения о священномученике Петре Григорьеве

Петр Федорович Григорьев родился в мае 1895 г. в городе Обояни. Отец, потомственный гражданин Обояни, был личным дворянином, служил наблюдателем Курско-Орловского лесничества [*Русин*, 3]. В 1916 г. Петр Федорович окончил Курскую духовную семинарию. К семинарским временам относится одна из его первых поэтических публикаций — поэма «Думы паломника» [*Григорьев*], посвященная святителю Иоасафу (Горленко), епископу Белгородскому и Обоянскому (1705–1754, память 4 (17) сентября и 10 (23) декабря), прославленному в 1911 г. в лике святых.

В начале февральской революции Петр Федорович находился в Петрограде, будучи студентом Духовной академии. В результате революционных событий он вынужден был прервать учебу и вернуться в Обоянь к матери. В 1919 г. он был назначен псаломщиком в церкви в честь Смоленской иконы Божьей Матери. Вскоре он обвенчался с Зинаидой Ивановной Павловой, дочерью курского мещанина, и был рукоположен в сан священника. В 1929 г. у супруги родилась дочь Ольга.

В ноябре 1919 г., при отступлении деникинских частей из Обояни, молодому священнику предложили уйти вместе с белыми, но он остался, заявив: «Я служу народу и поэтому остаюсь с народом».

2 мая 1921 г. во епископа Рыльского, викария Курской епархии был хиротонисан наместник московского Новоспасского монастыря архимандрит Павлин (Крошечкин; 1879–1937, память 21 октября/3 ноября), будущий новомученик Российский. В летние месяцы новопоставленный архиерей много ездил по городам и селам Курской губернии — служил, проповедовал, старался познакомиться с духовенством.

В одну из поездок сщмч. Павлина в Обоянь состоялось его знакомство с иереем Петром Григорьевым. В дар праведному архипастырю сщмч. Петр составил службу с акафистом его небесному покровителю — святителю Павлину Милостивому, епископу Ноланскому⁴ (ок. 355–431, память 23 января/5 февраля). Епископ Павлин отметил высокий поэтический дар отца Петра и всячески поощрял его.

4. Опубликовано в «Вестнике РХД»: [*Служба св. Павлицу*].

Когда читаешь службу св<ятому> Павлину Ноланскому, написанную прот<оиереем> Григорием Петровым (на самом деле священником Петром Григорьевым — *М. П.*), ясно видишь духовный облик архиепископа Павлина, всей своей жизнью подражавшего житию своего ангела. Его твердость, глубокий ум, большая культура и активность — образец для подражания,

— пишет Н. Шеметов [*Шеметов, 199*]. В воспоминаниях об о. Петре сообщается, что он составлял и другие акафисты — Святому Духу, святым сорока Севастийским мученикам, заупокойный акафист (возможно, даже два разных), однако эти гимны до сих пор не выявлены. Даже акафист святителю Мелетию считался утраченным, однако в 2014 г. была обнаружена рукопись с этим бесценным произведением святого поэта-мученика.

Впервые будущий священномученик был арестован 5 февраля 1930 г. по обвинению в «систематической антисоветской и антиколхозной агитации» и в конце марта препровожден в Курский дом заключения (домзак). Однако после ходатайства о его освобождении, подписанном практически всеми прихожанами Смоленского храма (более трехсот человек!), о. Петр был освобожден, а дело в его отношении 16 июня 1930 г. было производством прекращено в связи с «недостаточностью добытых материалов для предания обвиняемого суду»⁵. Вот что писали прихожане о своем пастыре:

...против закону не учил, проповедей против советской власти не делал, а научил нас подчиняться власти. Был добрым человеком, помогал бедным и последнюю копейку отдавал неимущим. И для нас, верующих, он, Григорьев, является незаменимым наставником⁶.

23 марта 1931 г. чекистами был арестован благочинный Обоянского округа свящ. Герман Руденко. Отец Петр стал ежедневно передавать ему в Обоянский домзак обед. Однако и к нему самому уже «присматривались» гонители. Весной 1931 г. на священника наложили «налог» — 200 яиц, и он обратился за помощью к прихожанам, поскольку собрать такое количество яиц сам, разумеется, не мог. Местное отделение ОГПУ тем временем начало его «разработку». «Свидетели» показывали:

5. Архив ФСБ по Курской обл. № П-61. Цит. по: [*Русин, 7*].

6. Там же.

Священномученик Петр Григорьев. Фото из следственного дела 1931 г.

Григорьев пользуется авторитетом не только в городе, но чуть ли не во всем уезде. Говорил почти каждый день проповеди, касаясь безбожия сов<етской> власти и современной молодежи. Убедил молодежь бросить свои убеждения и вспомнить о церкви... Из всего духовенства наиболее способный и даровитый отец Петр Григорьев, который может объединить массу на религиозной почве... <Жители Обояни> видели в Григорьеве чуть ли не праведника, человека святой жизни, который может разрешать разные житейские недоумения и поэтому многие обращались к нему за советами. Все это выдвигало Григорьева на первый план⁷.

Итогом «оперативной разработки» стал арест новомученика в ночь с 17 на 18 октября 1931 г. При аресте у него было изъято 158 церковных книг. Священномученику Петру пытались инкриминировать не просто членство в «контрреволюционной церковно-монархической организации», но ее возглавление в Обояни и «вербовку» в нее других священнослужителей. «Я не мог вербовать Бородина, так как сам был не завербован», — от-

7. Архив ФСБ по Курской обл. № П-12372. Цит. по: [Русин, 16–18].

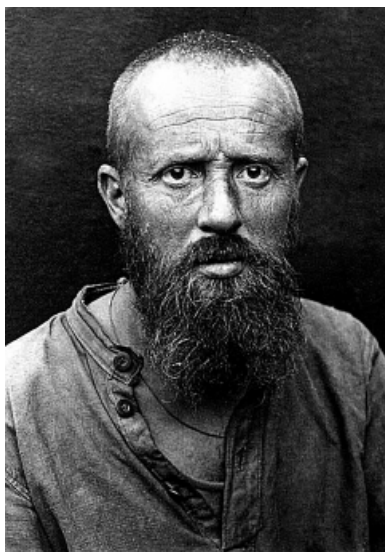
вечал о. Петр следователю. В общей сложности по этому делу было арестовано 58 человек, 36 из них были приговорены к различным срокам лагерей и ссылок. Священников Петра Григорьева и Василия Бородина держали отдельно от остальных фигурантов дела, предъявляя им сфальсифицированные показания других подследственных, однако это не помогло добиться от них нужных следствию показаний.

16 апреля 1932 г. тройка при Полномочном представительстве ОГПУ по Центрально-Черноземной области по внесудебному рассмотрению дела постановила священника Петра Федоровича Григорьева заключить в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет. В мае того же года о. Петр прибыл к месту заключения — Беломоро-Балтийский канал, разъезд «Сословец» Мурманской железной дороги. В сопроводительных документах для администрации лагеря указывалось: «Держать в строгой изоляции, вербовке не подлежит». Но удержать священника в «строгой изоляции» первоначально не удавалось. Как говорится в лагерном деле, о. Петр «общался с другими заключенными, исповедовал их... находил возможность причащать и совершать водосвятие, служил Пасху». Поэтому в течение 1935–1936 гг. заключенных священнослужителей выделили в отдельную группу, переведя их на станцию Кома Мурманской железной дороги, а о. Петра (учтя, видимо, первоначальные рекомендации) изолировали даже от этой отдельной группы. Он жил одиночкой в 30 километрах от станции и на «командировке» бывал только за получением продовольствия.

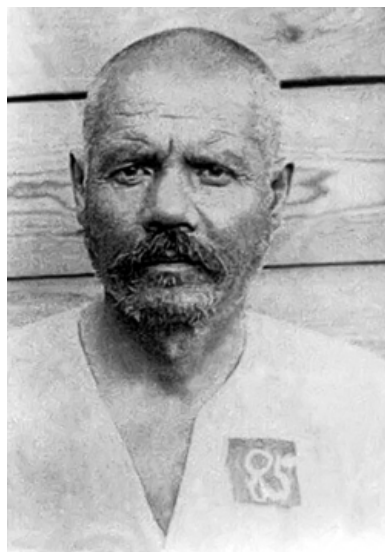
24 января 1937 г. о. Петра перевели в Угличский район Ярославской области, в III отделение Волголага, с назначением на должность чертежника при начальнике 7-го строительного участка. Лагерное начальство фиксировало в личном деле заключенного:

Проявил себя только с отрицательной стороны, как лодырь-дезорганизатор, в быту ведет себя плохо, лаг <ерный> режим не соблюдает, в культмассовой работе не участвует, на производстве не дисциплинирован [ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 1. Д. С-3698].

14 сентября 1937 г. о. Петр был арестован в лагере вместе с еще одним обоянцем — священником Глебом Семеновичем Апухтиным (1885–1937), арестованным в 1935 г. под Воронежем и отбывавшим в Волголаге такой же десятилетний срок. Оба

Священномученик Петр Григорьев.
Фото из следственного дела 1937 г.

Священномученик Глеб Апухтин.
Фото из следственного дела 1937 г.

священника были помещены в изолятор III отделения. Началось последнее, самое короткое, следственное дело святого Петра. Он был обвинен в том, что

в Волголаге среди заключенных проводил систематическую контрреволюционную агитацию и организацию коллективного чтения молитв, исполнение религиозных обрядов. Во время пребывания в Волголаге являлся руководителем контрреволюционной церковно-монархической организации, систематически проводил среди заключенных контрреволюционную агитацию, распространял листовки. В группе с другими заключенными... нелегально организовывал коллективное чтение молитв, для этой цели соблюдал религиозные обряды, как-то: причастие, исповедование и т. д.⁸

На допросах о. Петр держался твердо, не упоминая никого из знакомых. В ответ на обвинения в контрреволюционной деятельности о. Петр сказал: «Приписываемые мне обвинения я отрицаю...

8. Архив ФСБ по Ярославской обл. № С-12076. Цит. по: база данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный уни-

верситет, Братство во имя Всемилостивого Спаса). Запись о38-28а (Григорьев Петр Федорович). URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/nkws.exe/no_dbpath/docum/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu1s8WXfi1gdO6UXuLWs00IdOGis8uWeCQ*.

Я христианин, верую в Бога и проповедую исповедание христианского направления»⁹. 22 сентября 1937 г. тройкой при Управлении НКВД СССР по Ярославской области священномученики Петр и Глеб был приговорены к высшей мере наказания — расстрелу; приговор был приведен в исполнение на следующий день там же, в изоляторе III отделения. Тела казненных были похоронены на общем лагерном кладбище, их могилы сегодня неизвестны.

8 августа 1989 г. Григорьев Петр Федорович был реабилитирован по своему расстрельному делу прокуратурой Ярославской области.

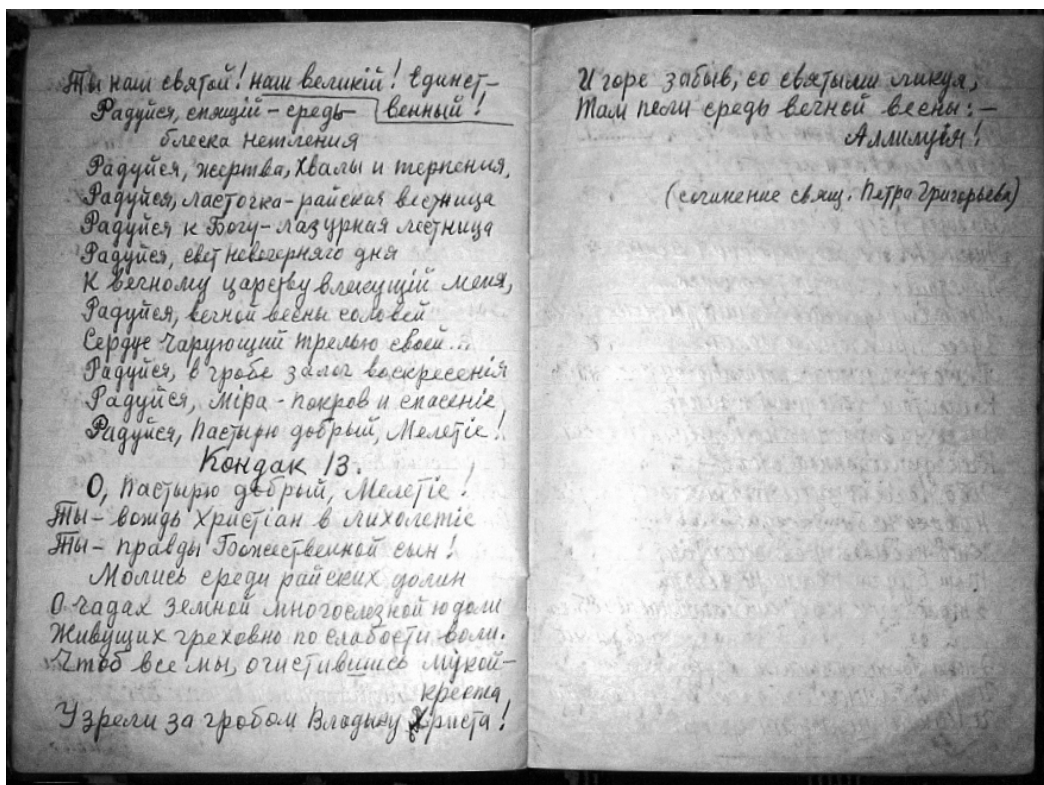
В 1958 г. выжившие в лагерях фигуранты «дела обоянских попов» подали в прокуратуру Курской области прошение о пересмотре дела. Были передпрошены свидетели, дававшие показания в 1931 г., обвиняемые, кого удалось найти, родственники тех, кого найти не удалось. 29 апреля 1958 г. следователь допросил матушку Зинаиду, вдову священномученика Петра.

За что осудили мужа, я не знаю, — рассказала Зинаида Ивановна. — За годы совместной жизни с ним я ничего отрицательного за ним не замечала. Вопросами политики он не занимался и, на мой взгляд, к советской действительности был лоялен. Во всяком случае, я никогда не слышала со стороны мужа каких-либо высказываний против советской власти. Он был человеколюбив, бескорыстен, честен [Русин, 68].

Несмотря на обнаруженные множественные нарушения при ведении следствия, в отношении о. Петра Григорьева прокурор Курской области согласился с постановлением тройки ОГПУ от 16 апреля 1932 г. и в реабилитации ему 24 сентября 1958 г. отказал. Лишь 30 июня 1993 г. были реабилитированы все безвинно пострадавшие по «делу обоянских попов» без исключения.

20 августа 2000 г., по завершении юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви, священники Петр Григорьев и Глеб Апухтин были прославлены в лике святых в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

9. Цит. по: [Русин, 70].

Фрагмент рукописи акафиста святителю Мелетию Харьковскому

Рукопись, содержащая акафист святителю Мелетию Харьковскому, происходит из личного архива, прошедшего через «несколько рук» до передачи нынешней владелице, поэтому даже приблизительная датировка рукописи затруднена. Предположительно — 3-я четверть XX в.

Публикуемый текст переписан от руки синей ручкой, заголовки строф и начальные буквы переписаны тем же почерком красной ручкой. Текст переписан с разбивкой на стихотворные строки; в тех случаях, когда окончание строки не умещалось на листе бумаги, перенесенная часть строки отчеркивалась, визуальнo отмечая единство перенесенной части и собственно строки. Орфография текста гибридная — переписчик использовал в основном уже реформированные правила написания, принятые в советской России после реформы 1918 г., однако спорадически возвращался как к использованию букв *i* и *v*, так и к использованию дореформенных окончаний *-аго* и *-ья*. Буква «ё» на пись-

ме не использована, но в целом ряде случаев звучание [й'о] явно подразумевается размером и (или) рифмой. В данном тексте буква ё поставлена публикатором.

При публикации все грамматические формы унифицированы и приведены к современной орфографии. Отдельные исключения (в частности, местоименная форма «ея» во 2-м кондаке) сделаны только там, где это требовалось соображениями сохранения оригинальных рифмы и (или) стихотворного размера. Унифицировано также написание заглавных букв, приближенное по возможности к правилам, принятым при издании текстов в Издательстве Московской патриархии. Текст сопровождается комментариями составителя.

Акафист святителю Мелетию Харьковскому (сочинение свящ[енника] Петра Григорьева)

Кондак 1.

Светочу тихой любви всепрощающей,
Чистой душе, среди мира витающей,
Мир уловившему Божией сетью
Пастырю душ, — всесвятому Мелетию,
Чудному гостю из мира иного,
Песнь воспеваю средь шума земного:
Радуйся, перлов духовных соцветие,
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Икос 1.

Ангельский образ в себе обновляя,
Вестник средь мира блаженного рая,
Дух озарил ты спасительным чтением,
Плоть обуздал ты постом и терпением,
Светоч бесхитростной кроткой любви,
Нам свою милость обильно явил.
Радуйся, жемчуг духовных глубин,
Радуйся, роза Эдемских долин.
Радуйся, солнце, в земле потаённое,
Радуйся, сердце огнем озарённое.
Радуйся, гибнущих якорь спасения,
Радуйся, сад живоносный забвения.
Радуйся, ключ среди жгучей пустыни,

Радуйся, луч огнезрачной святыни.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 2.

Видел ты с детства суровые грозы,
Бедности скрытой страданья и слёзы.
Полная веры в Господнюю волю,
Мать не роптала на горькую долю.
Как ея взор был и грустен, и мил!
Образ ея ты навек сохранил.
С кроткою нежностью сирот целуя,
С ними взывала она: Аллилуйя.

Икос 2.

Рано покинув родительский дом,
В школе старинной, с нуждой и трудом
Встретил ты холод казённого здания.
Сколько потом ты являл сострадания,
Сколько участия, ласки и света
Детям, лишённым тепла и привета.
Чуткий и мягкий от самой природы
Скрашивал им ты учебные годы.
Радуйся, солнце приветливо ясное,
Радуйся, юности утро прекрасное.
Радуйся, сладость невинной молитвы,
Радуйся, чистый средь жизненной битвы.
Радуйся, мудрый сирот воспитатель,
Радуйся, детям успеха податель.
Радуйся, юным покров от падений,
Радуйся, лира святых настроений.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кодак 3.

Юность провёл ты под шум Петрограда [1],
В Лавре была тебе жизнь и отрада;
Храмы-гробницы в цветах олеандра [2],
Пенье молитв у мощей Александра.
Кладбище, мрамор, крестов мириады,
В зелени нежной мерцанье лампы,
Ветки еловые, свежая туя,
Ладан и скорбная песнь: Аллилуйя.

Икос 3.

Высшая школа полночной столицы
Ярко твои озарила зеницы.
Ты как орёл, окружённый Эфиром,
Ввысь поднялся над измученным миром.
Сам изучив неземную науку,
Можешь ты дать слабоверному руку.
Радуйся, Божией силы явление,
Радуйся, вихрь, уносящий сомнение.
Радуйся, к Небу прямая дорога
Чутким и жаждущим вечного Бога.
Радуйся, слабым звезда путеводная,
Радуйся, таинств река полноводная.
Радуйся, молния в бездне неверия,
Грозно разящая тьму суеверия.
Радуйся, гибнущих душ возрождение,
Радуйся, вечных красот наслаждение.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 4.

Были боренья и были страдания,
Счастья земного росли ожидания,
Сладкие грёзы, мечты...
Но победил ты земли искушения
Личное счастье — слезой сокрушения
В Боге, — соблазна цветы... [3]
И пролетели житейские бури,
Свет не сокрывши небесной лазури.
Дай же и нам, тьму падений минуя,
В мире душевном взывать: Аллилуйя!

Икос 4.

Ты тосковал среди мира греховного,
Чистого жаждал, святого, духовного;
С грустью смотрел на пучину порока,
Грех обличая со властью пророка.
Радуйся, колокол, совесть будящий,
Радуйся, луч, над стремниной светящий.
Радуйся, благостный гордых смиритель,
Радуйся, скрытых грехов обличитель.
Радуйся, меч против злой клеветы,

Радуйся, царство святой простоты.
Радуйся, гибельных ссор прекращение,
Радуйся, радость любви и прощения.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 5.

Киев — хранитель священного праха —
Дал тебе чистые ризы монаха.
Здесь ты молился с восторгом души
В Лавре великой, в пещерной глуши, —
Там, где нетленные мощи святых
Дивно почивают в гробницах простых,
Где князь Владимир, о Боге ревнуя,
Русь научил возглашать: Аллилуйя!

Икос 5.

Как-то писал ты: «О мать дорогая!
Будет невестой мне Церковь Святая,
С ней только счастье и свет христианам».
Ныне, венчаясь святительским саном,
Духа Святаго приняв благодать,
Вызвал ты в Киев родимую мать.
Вместе с тобою молилась она,
Счастья великого в сыне полна.
Радуйся, матери радость и слава,
Радуйся, старости скорбной держава.
Радуйся, после у ней над могилой
Стих начертавший возвышенно-милий.
Радуйся, истинный кроткий равви,
Перл материнских молитв и любви.
Радуйся, пастырь высоких заветов,
Мудрый воспитанник двух Филаретов [4].
Радуйся, Юга краса и светило,
Радуйся, дел благовонных горнило,
Радуйся, сладкой молитвы кадило.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 6.

Ночи любил ты глубокие, темные,
Рук воздеянья, молитвы укромные,
Слёзы восторга в тиши созерцания,

Ясное тихой лампы мерцание.
В окна осенние капли видали,
Как твои слёзы струились, блистали,
Как ты, о людях погибших горя,
Богу с мольбою шептал: Аллилуйя!

Икос 6.

Годы промчатся, минуют столетия,
Но не забудут святого Мелетия;
Будут, как прежде, к нему прибегать,
Будут молиться и будут взывать:
Радуйся, милости щедрое море,
Радуйся, чуткий на скорби и горе.
Радуйся, тяжких болезней целитель,
Радуйся, тихая скорбных обитель.
Радуйся, пристань для душ неприкаянных,
Радуйся, светоч надежды отчаянных.
Радуйся, скорый податель желанного,
Радуйся, сердце тепла непрерывного.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 7.

Дикой Сибири леса сокровенные
Слышали речи твои вдохновенные.
Несколько лет ты в незыблемом мире
Кафедрой правил Восточной Сибири.
Всем о Христе ты был раб и слуга,
Помнит твой образ глухая тайга;
Кедры столетние, взоры чаруя,
Вторили стройно тебе: Аллилуйя!

Икос 7.

Всюду была твоя ревность святая:
С тундры холодной и вплоть до Китая.
Область Иркутска, Нерчи [5], Байкала
К Богу десница твоя привлекала.
Плакали люди, сердца их горели,
Тая под звуки небесной свирели.
Радуйся, славы Христовой сияние,
Там, где царило буддизма влияние.
Радуйся, первый апостол Камчатки,

Давший язычникам веры начатки.
Радуйся, Божия мудрость и сила,
Радуйся, жалких кумиров могила.
Радуйся, чтивших златого тельца
К Богу привлечший умы и сердца.
Радуйся, свет закосневшим в расколе,
Радуйся, пахарь на каменном поле.
Радуйся, вождь против силы лукавой,
Чудно спасённый от смерти кровавой.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 8.

Души твоей ризу нетленную, ясную,
Как лилия белую, нежно прекрасную
Ты многократно омыл покаянием,
Слёз пред духовным отцем изливанием.
Ты каждый месяц в огне сокрушения
Воспринимал от грехов разрешение;
Часто кропил ты слезою обильною
Чашу с Господнею Кровью всеильною;
Весь просияв, возродясь, торжествуя,
Агнцу закланному пел: Аллилуйя!

Икос 8.

Сироты, вдовы, голодный и нищий
Шли к тебе в Харьков за кровом и пищей.
Радостью был ты сидящим в темнице,
Жезл — старикам, для слепого — зеницы.
Все эти люди, ненужные миру,
Ткали тебе неземную порфиру.
Радуйся, друг угнетённого люда,
Века сурового — светлое чудо.
Радуйся, помощь недугом томимых,
Радуйся, крепость невинно гонимых.
Радуйся, чуткий на слёзы униженных,
Радуйся, счастье судьбою обиженных.
Радуйся, низкой наживы гонитель,
Радуйся, Чистого чистый служитель.
Радуйся, трудник науки и света,
Вечный источник тепла и привета.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 9.

Инок-молитвенник, духом прозрения
Ты предсказал Святых гор [6] возрождение,
Славу их, святость и храмы в скале,
Дивных подвижников, скрытых в земле [7].
Звон колокольный несётся далёко;
Дивно исполнилось слово пророка:
Силы и духа расцвет торжествуя,
Славная пустынь гремит: Аллилуйя!

Икос 9.

«В неге и лености тело покоя,
Церковь лишил он порядка и строя», —
Так клеветник на тебя доносил.
Ты ж показал ему раны на ране,
Голые кости на плéчах и стане,
Страшные язвы, лишавшие сил.
«Знай, — ему рек ты, — служитель позора,
Ты не получишь вовек омофора».
Сбылось пророчество; мы же поём:
Радуйся, дивный в страданьи твоём.
Радуйся, язвы носивший Христа,
Радуйся, строгий подвижник поста.
Радуйся, спавший на голом полу,
Богу всю ночь воздавая хвалу.
Радуйся, в крестном пути молчаливый,
Радуйся, в Боге и Богом счастливый.
Радуйся, бездна земного страдания,
Полная благ неземных ожидания.
Радуйся, инокам образ терпения,
Пастырям — плод золотой вдохновения.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 10.

Смерть приближалась и падали силы,
Веяло мраком холодной могилы,
Медленно сердце стучало в груди,
Жизнь прожитая была позади.
Снежная буря рвалась на дворе,
Горький страдалец на смертном одре,

Весь измождённый, томясь и тоскуя,
Богу покорно ты пел: Аллилуйя!

Икос 10.

Кроткий Спаситель средь ночи глубокой
Сам посетил твой чертог одинокий,
Взгляд Его был светоносней луча.
Грудь твою ангел ударом меча
Мощно рассёк, и из язвы сердечной
Свет в небеса поднялся быстротечный.
«Время покоя дать», — сказал Искупитель,
Блеск озарял всю больного обитель.
Радуйся, зимней, томительной ночью
Солнце-Христа увидавший воочию.
Радуйся, слышавший голос Сладчайшего,
Радуйся, полный покоя Тишайшего.
Радуйся, чуждый предсмертной кручины,
Радуйся, ждавший с восторгом кончины.
Радуйся, в сфере предсмертного счастья
Чашу лобзавший Святого Причастия.
Радуйся, в тайны небес погружённый,
Радуйся, Духом Святым озарённый.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 11.

Колокол гулко над городом стонет:
Харьков отца и Владыку хоронит.
Умер бессребреник, нищих кормитель,
Грешных молитвенник, правды ревнитель.
Вечная память Христову рабу!
Словно живой почивает в гробу.
С горькой прощальной слезой поцелуя
В воздухе ясном звенит: Аллилуйя!

Икос 11.

Спишь ты нетленный в пещере под спудом.
Но, привлечённый таинственным чудом,
Чувствуя жизни бессмертной биения,
Зная твои после смерти явления,
Лето и зиму скорбящий народ
Горе и радость в пещеру несёт.

Радуйся, чаша вина ароматная,
Горько озлобленных тишь благодатная.
Радуйся, сладость трудом удручѣнных,
Радуйся, сила на смерть обречѣнных.
Радуйся, миро на сердце больное
В тихой отраде Христова покоя.
Радуйся, ласка всех, горем подкошенных,
Жизнью забытых, ненужных, брошенных.
Радуйтесь, светлые, чуткие очи,
В душу смотрящие в сумраке ночи.
Радуйтесь, руки добра изобильного
Всем изнемогшим средь мира бессильного.
Радуйся, жизнь из покоя могильного.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 12.

В сумраке чутком свечей догорающих
Слышишь ли шѣпот и вздохи рыдающих?
Видишь ли к гробу простѣртые руки?
Взоры горящие, полные муки?
С твѣрдой надеждой, с глубокой мольбой
О, помоги им, угодник святой!
Сам к ним явись, их страданья врачуя.
Сладко с тобою им петь: Аллилуйя!

Икос 12.

Смерть низлагая бессильную, бледную,
Мо[щи] [8] подыдем с хвалою победною.
К гробу приступим с кадилами полными,
Пусть фимиам ароматными волнами
В сердце проникнет струёю таинственной.
Ты наш святой! Наш великий! Единственный!
Радуйся, спящий средь блеска нетления,
Радуйся, жертва хвалы и терпения.
Радуйся, ласточка — райская вестница,
Радуйся, к Богу лазурная лестница.
Радуйся, свет невечернего дня,
К вечному Царству влекущий меня.
Радуйся, вечной весны соловей,
Сердце чарующий трелью своей.
Радуйся, в гробе залог воскресения,

Радуйся, мира покров и спасение.
Радуйся, пастырю добрый Мелетие!

Кондак 13.

О пастырю добрый Мелетие!
Ты — вождь христиан в лихолетие,
Ты — правды Божественной сын!
Молись среди райских долин
О чадах земной многослезной юдоли,
Живущих греховно по слабости воли.
Чтоб все мы, очистившись мукой Креста,
Узрели за гробом Владыку Христа!
И, горе забыв, со святыми ликуя,
Там пели средь вечной весны: Аллилуйя!

Комментарий

1. Священномученик Петр употребляет то название г. Санкт-Петербурга, которое употреблялось во время его собственного обучения в Духовной академии северной столицы.
2. В климатических условиях Санкт-Петербурга олеандр выращивают только как кадочное или комнатное растение; вероятно, храмы-усыпальницы Александро-Невской лавры украшались цветами олеандра, выращенными в оранжерее.
3. Святитель Мелетий, стремившийся к монашеству, воспринимал попытки устроить его личную жизнь и семейное счастье, предпринимавшиеся его матерью, как искушение и препятствие на пути духовного подвига. Позже мать смирилась с его выбором и не препятствовала его постригу.
4. Святителей Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского (1782–1867, память 19 ноября/2 декабря), профессора и впоследствии ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии во время обучения в ней Михаила Ивановича Леонтовича (мирское имя святителя Мелетия), и Филарета (Амфитеатрова), митрополита Киевского и Галицкого, в схиме Феодосия (1779–1857, память 21 декабря/3 января), инспектора Санкт-Петербургской Духовной академии во время обучения в ней Михаила Леонтовича.

5. В рукописи очевидная описка — «Карей». Помимо ошибки грамматической, это еще и фактическая ошибка — миссионерские труды святителя Мелетия не простирались на территорию Корейского полуострова. Предложенная конъектура исходит из епархиального титула святителя в пору его служения в Сибири — архиепископ Иркутский и Нерчинский.

6. Святогорская Успенская пустынь Изюмского уезда Харьковской губернии, ныне Успенская Святогорская Лавра близ города Святогорска Донецкой области Украины. Монастырь впервые упоминается в письменных источниках в 1526 г., упразднен в 1787 г., возобновлен в 1844 г., вскоре после смерти святителя Мелетия.

7. В лике местночтимых святых Святогорской Лавры прославлены 16 ее насельников, еще один святогорский святой — преподобный Иоанн Затворник (1795–1867, память 11 (24) августа) — прославлен к общецерковному почитанию. Мощи 11-ти святых обретенны и находятся в раках в Успенском соборе обители.

8. Слово в рукописи частично неразборчиво, восстановлено по контексту.

Источники

1. *Акафистник* = Акафистник. Брюссель : Жизнь с Богом, 1978. 704 с.
2. *ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 1. Д. С-3698* = Государственный архив Ярославской области. Личное дело священника Петра Фёдоровича Григорьева. Ф. Р-3698. Оп. 1. Д. С-3698.
3. *Григорьев* = Григорьев П. [Ф.] Святитель и чудотворец Иоасаф, епископ Белградский : Думы паломника. Белгород : Электрич. тип. А. А. Вейнбаум, 1916. 56 с.
4. *Служба св. Павлину* = Служба св. Павлину, составленная прот. Г. Петровым // Вестник русского христианского движения. 1980. № 3–4 (132). С. 7–23.
5. *An Akathist* = An Akathist in Praise of God's Creation [Электронный документ]. URL: <https://www.goarch.org/-/an-akathist-in-praise-of-god-s-creati-2> (дата обращения: 15.09.2020).
6. *Acathiste* = Acathiste d'Action de Grâces « Loué soit Dieu pour Tout » [Электронный документ]. URL: <http://www.pagesorthodoxes.net/liturgie/acathistes-canons.htm#1> Loué soit Dieu (дата обращения: 15.09.2020).

Литература

1. *Людоговский, Плякин* = Людоговский Федор, священник, Плякин Максим, диак. Литургические языки в Slavia Orthodoxa: современная ситуация // Славянский альманах, 2009. М. : Индрик, 2010. С. 380–399.
2. *Малая Церковь* = Малая Церковь : Настольная книга прихожанина / Сост. В. А. Никитин. М. : Русский мир, 1992. С. 243–251.
3. *Плякин* = Плякин Максим, священник. Изменение языка богослужения: акафисты на русском языке // Труды Саратовской православной духовной семинарии: сб. Вып. 9. Саратов : Изд-во Саратовской митрополии, 2015. С. 242–256.
4. *Русин* = Русин Владимир, священник. Претерпевший до конца. Издание Покровского храма села Кунье Горшеченского района Курской области, 2011. 80 с.
5. *Скабалланович* = Скабалланович М. Н. Молебный акафист Святому Духу // Вестник русского христианского движения. 1982. № 3 (137). С. 5–18.
6. *Шеметов* = Шеметов Н. Милостивый Владыка // Их страданиями очистится Русь. М. : Изд-во им. свят. Игнатия Ставропольского, 1996. С. 198–237.

Список сокращений

ГАЯО Государственный архив Ярославской области

Akathist to St. Meletius of Kharkov by martyr Pyotr Grigoriev

*Introductory article, preparation of the text for publication
and note by Fr. Maxim Plyakin*

The published document, the akathist to St. Meletius, Archbishop of Kharkov and Akhtyr, written by martyr Peter Grigoriev (1895–1937) is for the first time introduced into academic circulation. The work was copied by hand, the exact date of the published manuscript could not be established; most likely it belongs to the third quarter of the 20th century. The special feature of the akathist to St. Meletius is that it is written in Russian language in verse form. The introductory article describes the akathistography in Russian as an important example of liturgical creativity — a stratum of church tradition, which is most subject to change. This was manifested in a special way in the 20th century, when newly written gymnographical works were not published or subject to church censorship. The article provides biographical

information about Fr. Pyotr Grigoriev, the compiler of the published Akathist. Martyr Peter was arrested on the night of October 17–18, 1931 and sent first to the White Sea-Baltic Canal, the “Soslovets” crossing of the Murmansk railway and then to Volgograd. On September 22, 1937 he was sentenced to death by shooting by a special troika at the Department of NKVD of the USSR in the Yaroslavl region; the sentence was executed the next day in the same isolation unit of department III. Martyr Pyotr Grigoriev was canonized as a saint of the new martyrs and confessors of Russia by the Bishops’ Council of the Russian Orthodox Church held on August 13–16, 2000.

KEYWORDS: akathist, liturgical creativity, divine service in the 20th century, Russian language in the divine service, new martyrs and confessors of the Russian Church, martyr Pyotr Grigoriev.

References

SOURCES

1. Acathiste d’Action de Grâces “Loué soit Dieu pour Tout”, available at: <http://www.pagesorthodoxes.net/liturgie/acathistes-canons.htm#1> Loué soit Dieu (15.09.2020).
2. *Akafistnik* [Book of Akathists]. Brussel : Zhizn’ s Bogom, 1978.
3. An Akathist in Praise of God’s Creation, available at: <https://www.goarch.org/-/an-akathist-in-praise-of-god-s-creati-2> (15.09.2020).
4. Lichnoe delo sviashchennika Petra Fedorovicha Grigor’eva. *Gosudarstvennyi arkhiv Iaroslavskoi oblasti* [National archive of Yaroslavl Oblast], coll. R-3698, aids. 1, fol. S-3698.
5. Grigor’ev P. [F.]. (1916). *Sviatitel’ i chudotvorets Ioasaf, episkop Belogradskii. Dumy palomnika* [Saint and Wonderworker Joasaph, Bishop of Belograd. Pilgrim’s thoughts]. Belgorod : Elektricheskaiia tipografiia A. A. Veinbaum (in Russian).
6. “Service of St. Pavline, compiled by Archpriest. G. Petrov”. *Vestnik RKhD* [Bulletin of the Russian Christian movement], 1980, № 3–4 (132), pp. 7–23 (in Russian).

LITERATURE

1. Liudogovskii Fedor, priest, Pliakin Maksim, diak. (2010). “Liturgical Languages in Slavia Orthodoxa: Contemporary Situation”, in *Slavianskii al’manakh, 2009* [Slavic almanac: 2009], Moscow : Indrik, pp. 380–399 (in Russian).
2. Nikitin V. A. (ed.) (1992). *Malaia Tserkov’ : Nastol’naia kniga prikhozhanina* [Small Church : Handbook of Parishioner]. Russkii mir Publ., pp. 243–251.

3. Pliakin Maksim, priest (2015). "Changing the language of worship: akathists in Russian" in *Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii: sb.* [Works of the Saratov Orthodox Theological Seminary], v. 9, Saratov : Saratovskoi mitropolii Publ., pp. 242–256 (in Russian).
4. Rusin Vladimir, priest (2011). *Preterpevshii do kontsa* [Who goes through to the end]. Pokrovskogo khrama sela Kun'e Gorshechenskogo raiona Kurskoi oblasti Publ. (in Russian).
5. Shemetov N. (1996). "Gracious lord". *Ikh stradaniiami ochistitsia Rus'* [Russia will be cleansed by their suffering]. Moscow : Publ. named after St. Ignatii Stavropol'skogo, 1996, pp. 198–237 (in Russian).
6. Skaballanovich M. N. (1982). "Prayer akathist to the Holy Spirit". *Vestnik RKhD* [Bulletin of the Russian Christian movement], 1982, n. 3 (137), pp. 5–18 (in Russian).

Акафист святителю Мелетию Харьковскому священномученика Петра Григорьева / Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарий свящ. Максима Плякина // Вестник Свято-Филаретовского института. 2020. Вып. 36. С. 184–208. DOI: 10.25803/SFI.2020.36.4.008